

НЕКУЛЬТУРНЫЙ КОД №21

СВОЮ МУЗЫКУ

При поддержке

Подписные
издания

СОБАКА

СПб. RU

Журнал «Некультурный код»

Журнал создан в 2022 году
при поддержке Типографики,
Вёрстки и Фёдоровой А.

Концепция и дизайн

Вика Кан

Текст и редактура

Никитка Касимов

На первой странице обложки

«Эта ночь непоправима». Таня Красехина

На второй странице обложки

Альбом «Страшно». Екатерина Сергеева

от редакции

Вас тоже учили рисовать штрихи параллельно друг другу? Ну в одну сторону, чтобы не было диссонанса при закрашивании, всё было таким единым, монолитным куском, блоком, который должен был монументально быть покрашен штрихами одного какого-нибудь темно-зеленого карандаша, который после ещё так маслянно поблескивал, если перестараться и потратить уйму грифеля на покраску какой-то кроны дуба.

Меня вот учили. Учили делать так, чтобы чужому глазу было приятно смотреть на мою картинку. Рисовать я, конечно, не научился, а раскраски не мог терпеть с самого рождения. Но это стремление к ровной штриховке, это «заставление» себя у меня осталось и, наверное, подпиталось моим внутренним перфекционизмом, точнее верным будет утверждение, что оно его породило и стало его частью. Всю жизнь я стремился к ровным двум рядам по три стакана в каждом на столе в столовой.

Всю жизнь я стремился к ровным двум рядам по три стакана в каждом на столе в столовой. Всю!

Навсегда запомню пресловутую тягость в моей голове к «идеальной форме мира», его «выверенной точности», этой «рациональной конструкции».

Но я только недавно понял, что мир, природа, жизнь, чувства, ощущения и эмоции — настоящие методы познания, осознания и интерпретации окружающего, на самом то деле работают совершенно иррационально. Так мы находим случайность в цветах, воздухе, запахе, сердцебиении, математике, искусстве, музыке, средствах выразительности, смыслах, понимании друг друга, в непонимании друг друга, в любом другом человеке, в осознании себя, в собственных мыслях.

Нам не нравится статика, мы обожаем движение, в нас преобладает стремление к динамике, эта непреодолимая жажда освежающего легкого ветра, в нас заложена непереносимость рамок, форматов. В музыке нам нравится необыкновенность, её нео-

жиданность, нам нравится жить музыкой, а не ощущать её отделение от нас. В картинах и скульптурах художники с самого своего начала стремились отобразить движение, стремление статики во времени, после они стали выходить за рамки холстов, стали делать арт-объектами непредназначенное, открывали новое пространство полотна. О кино нечего даже и говорить, всё там есть ничто иное, как стремление к действительной подвижности жизни, её обыкновенной и одновременно необыкновенной случайности. Как бы человек не хотел контролировать происходящее вокруг и в нем самом, он никогда не сможет овладеть, обуздать эту преисполненность глобальной несостоятельности идеальной формы. Идеального воплощения. Человек никогда не сможет победить хаос, потому что он из него состоит.

Человек так появился, так живет, так умирает. Да, в смерти есть систематичность, есть строгая иерархия схем, ведущих к смерти, но в своем начале смерть — исключительно случайное событие, потому даже при всей её структурности, структуры эти держатся на примитивной, но непонятной нелогичности возникновения смерти.

Человеку никогда не понять случайность, человеку никогда не овладеть иррациональностью, человеку никогда не победить хаос. Человеку никогда не заштриховать белые просветы черным карандашом.

ktnh.

Корми демонов по расписанию

— Мне показалось, что ты все свое творчество выстраиваешь по принципу ризомы.

— Да, я прямо постил в группу в «ВКонтакте» перед альбомом картинку с кузнечиком и лекцию [историка философии] Дмитрия Хаустова по ризоме, чтобы слегка подтолкнуть людей в нужном направлении. Если обратить внимание, на обложке альбома под кучей сколопендр есть маленький кузнечик — это важный символ.

Вот, а по принципу ризомы я всегда выстраивал свое творчество, только раньше не совсем это понимал. В последние года два начал углубляться в современную философию и наткнулся на эту концепцию, когда познакомился с творчеством [французского философа Жиля] Делеза. Увидел и понял — это как раз то, что я делаю. Если обратить внимание, то абсолютно любую песню с моего нового альбома можно связать с прошлыми.

Опережая комментарии по поводу того, какой я псевдоинтеллектуал: я это делаю не потому, что хочется нагрузить, и не ради фансервиса. Нет, мне просто интересно. Мне нравится двигаться именно таким образом в творчестве. Творчество должно приносить удовольствие, прежде всего тебе самому. И оно приносит мне удовольствие именно в таком виде.

— Почему ты делаешь именно концептуальные альбомы? Чем они лично для тебя круче обычных?

— Не знаю, просто мне так нравится. Нет такой шкалы — круче они или нет, просто мне нравится именно так. Но не потому, что это удобнее, так работать

*Андрей Pyrokinesis:
«Я просто в течение
нескольких лет шизел
и писал песни в стол»*

точно сложнее. Просто мне не приносит удовольствия, когда я пытаюсь сделать обычный набор песен. И совсем другое дело, когда пытаешься связать все единым миром, историей и мифом.

— А кто еще из философов кроме Делеза повлиял на тебя?

— Раньше очень нравился [немецкий философ XIX века Артур] Шопенгауэр, но это уже пройденный этап. Перед последним альбомом очень вдохновлялся Делезом, [Жаком] Деррида, [Роланом] Бартом. Это люди, которые в основном работали с текстом. Вообще я считаю, что французская мысль — самая великая мысль XX-го века.

Постструктурализм покорила меня именно подходом к тексту. Как Барт говорил, что текст — это как плоть, ты его вкушаешь. Я стараюсь следовать этому. Мне кажется, что хорош не только слог, но и содержание. Нужно, чтобы он приобрел новую грань. Вот я и пытаюсь вкушать это все. Я не столько музыкант, сколько писатель. Искренне люблю писать, я обычно очень долго это делаю. «Клубнику» писал полгода, «Напрасное далеко» — целый год, переделывал постоянно. «Сигаретку без кнопки», которая сейчас стала главным хитом с альбома, написал самой первой, но записал последней, тоже постоянно переделывал.

Но я не совсем перфекционист. Наоборот, у меня много погрешностей. Иногда даже специально их оставляю.

— Как в песне «Цветами радуги» с «пропади пропадь»?

— Нет, это другое. Я намеренно так сделал — хочу

бенефицировать язык. Звучит красивее, мелодичнее, и никто не потерял нить — смысл остался тот же. Я знаю, как правильно произносится слово. Но у меня появилась возможность изменить его форму так, чтобы оно не потеряло содержания.

— Но если ты так стараешься над текстами и держишь в уме постструктурализм, то должен понимать, что автор умер. Как это согласуется с твоим творчеством?

— Концепция смерти автора не утверждает, что автор умер. Сама попытка возвести автора в разряд метафизики слегка идиотизм. Она была создана не столько, чтобы утвердить, что автор умер, а чтобы отразить некоторые тенденции в художественной культуре того времени. Но автор жил, жив и будет жить. Тем более что в наше время все это возвращается. Это красивая концепция, очень мне нравится, но она фантомная. Автор симитировал свою смерть, чтобы дать дорогу новым концепциям.

— Ты еще часто упоминаешь литературу в треках: Пелевина, Достоевского и так далее. Что любишь читать?

— Я безумный фанат Пелевина. Во многом потому, что его книги — то самое вкушание текста. Люблю его не столько за идеи, они в основном переработанные, сколько за то, как он фиксирует и подает их. Он тоже очень много берет у французских философов, у того же Фуко, которого мы еще не упомянули. Я как раз начинал читать Пелевина еще до того, как обо всем этом узнал. Шекспир — один из моих любимых писателей. Но художественную литературу я редко читаю, последние года два больше философию и научпоп изучаю.

— О, давай твой топ-3 книг из научпопа.

— «Вы, конечно, шутите, Мистер Фейнман!». Потом «Ярче тысячи солнц» про [физика Роберта] Оппенгеймера. И еще Брайан Грин, «Элегантная Вселенная»: там настолько хорошо все разжевывается про теорию относительности, что любой поймет.

А если вернуться к художественной [литературе], то я недавно перечитывал Берроуза. Все чаще возвращаюсь к битникам, раньше их очень много читал, даже несколько песен ранних на эту тему есть. Вообще без ума от американской культуры 60–70-х годов.

— Ты не раз говорил, что обожаешь компьютерные игры. Какие?

— Dota, Counter-Strike. Свои первые деньги я заработал, когда выиграл турнир по Counter-Strike 1.6.

Участвовал часто в локальных турнирчиках с переменным успехом. Мой топ-3 игр примерно такой: Life Is Strange, Dark Souls и Dungeons & Dragons — это не компьютерная игра, но она повлияла на меня очень сильно.

Любимый жанр — RPG, в нем множество игр, которые оказали на меня большое влияние. RPG-игры занимают одну из камер моего сердечка — обожаю их за подход к повествованию, реализацию сложных механик и пространственное мышление. Поэтому я тоже свою вселенную выстраиваю по схожим принципам.

Я и сейчас очень часто залипаю. Моя жизнь в принципе состоит из компьютерных игр, музыки и самообразования.

— Но как ты все успеваешь?

— Не знаю, просто успеваю. Всегда казалось странным утверждение, что человек не успевает что-то делать. Если хочешь чем-то заниматься, то всегда найдешь время.

Люблю одну историю из моего прошлого приводить в пример — как раз из периода, когда встал выбор между музыкой и наукой. Так случилось, что мои первые концерты проходили в ноябре четвертого курса, когда утверждают дипломные работы. Я уехал ровно тогда, когда нужно было начинать работу и показывать половину написанного диплома. Я уехал, прошло все не очень удачно, что на мне тоже в итоге сказало.

Приехал за три месяца до защиты диплома. Преподы сразу сказали, что мне ***** [конец] и нужно писать заявление. Но я взял себя в руки и выкрутился. У меня был такой график: в 6 утра просыпался, шел на остановку к 7, с 8 утра до 9 вечера сидел в лаборатории и готовил диплом — делал эксперименты и полностью сам все писал. У меня до сих пор дипломная работа от зубов отскакивает — «Исследование химических процессов на поверхности пленок Ленгмюра-Блоджетт методом поверхностного плазмонного резонанса». Мне в страшных снах снится мой диплом.

Я проводил эксперименты с одной установкой. Были моменты, когда она сама работала, и в паузах я писал альбом прямо в лаборатории. А параллельно еще готовился к экзаменам. Повезло, что часть экзаменов до зачетов спустили, потому что я реально проводил эксперименты. Мне пошли навстречу в итоге и во многом помогли.

В процессе я дописал альбом, который открыл мне дорогу в русский рэп, — «Терновый венец эволюции». А еще в то же время я выпустил партию мерча и заработал свои первые сто тысяч. Для меня тогда это были огромные деньги. Подумал, что батя не поверит. Сказал ему, что уезжаю в Петербург. Он усмехнулся и ответил, что я скоро вернусь. И вот я уже три года живу в Питере.

— У тебя крутая образность в песнях. Давно пишешь

стихи?

— Начал их писать вместе с баттл-рэпом. А до этого я никогда не писал ничего. Меня никогда не вдохновляла поэзия, только проза. Я не копировал поэтов никогда. С Бродским у меня тяжелые отношения. Я терпеть его не могу, он у меня всегда комом в горле стоит, но постоянно к нему возвращаюсь. И только через время понял, что он действительно гениальный автор. Только гениальный автор может сделать так, что он стоит комом в горле, но все равно заставляет к нему возвращаться.

Со временем я начал вникать в его дискурс, в личную жизнь, биографию — стихи начали приобретать новые смыслы. И со временем я полюбил Бродского, несмотря на его сложный слог. Он не резонировал с моим видением поэзии, да и сейчас не резонирует. Но со временем я понял, почему он именно так писал, и нашел в этом красоту. Сейчас могу только снять перед ним шляпу и сказать, что это был великий человек.

— У тебя есть строчка: «Ненавижу стихи, но обожаю поэзию». Что для тебя стихи, а что поэзия?

— Стихи для меня это бесконечное желание человека обернуть все в зарифмованную форму. Очень это не люблю, это один из видов графомании. А поэзия — она же не только в стихах. Поэзия — это наполненность: есть же пустые слова, а есть наполненные.

— Ты говорил, что изучал историю искусств. Это было в университете каком-то?

— Нет, самостоятельно. Просто было очень интересно. Очень много читал об этом. Начинать с научпопа — что-то вроде «Непонятого искусства» и прочего. А затем переходил к более сложным вещам. Последнее, что мне понравилось, кстати, почти его память, это не так давно умерший Умберто Эко — книги «История красоты» и «История уродства». Безумно понравилось! У него и художественная литература прекрасная — «Имя розы» чего только стоит! Благодаря Умберто Эко я проникся Питером Брейгелем, кстати.

— Линия мерча «Художника посадят» — это выражение конкретной идеи или высказывание на актуальную тему?

— Однажды я сидел дома и пришел к интересной для себя мысли, что есть такое понятие, как герой нашего времени. И если раньше таким героем был модернист, который кричал об идеалах, то чуть позже им стал коммерс, который продавал эти идеалы. Это были две крайности. В наше время любая гениальная идея проходит промежуток между вспышкой и коммерциализацией.

Любая великая идея в определенный момент продается.

И всегда канонизировались либо герои, которые создавали идею, либо которые продавали. Я подумал: а почему бы не канонизировать нечто среднее? Идея с момента создания быстро выходит в тираж. Герой тот, кто успеет ее продать. Но за каждую великую идею кто-то должен сесть.

Это нарративная подоплека. А фактическая в том, что я действительно интересуюсь тем, что происходит у нас в стране, и не являюсь аполитичным. Я вообще считаю, что искусство не может быть аполитичным. Искусство — это отражение действительности. Даже у меня в моих метафорах сказочных можно найти какие-то такие моменты.

Мерч — мое выражение поддержки людям, которые борются за свободу, за все хорошее и против всего плохого. Недавно мы еще раз запускали эту линию и сделали ровно 68 футболок — это отсылка на студенческие движения 68-го года во Франции. И 68% от продаж мы отослали в «ОВД-Инфо», «Правозащиту открытки» и в «Медиазону» как донаты.

— Это круто. Но в конце не могу не уколоть тебя, подведя итог разговору. Тебя часто комментаторы критикуют за позерство. Замечал ли ты в себе такую черту?

— Я уже говорил, что делаю это все исключительно для себя. Я экспрессивный персонаж достаточно. Есть ли во мне позерство? Да, безусловно. Я считаю, что в любом творческом человеке есть позерство, и это нормально. Но это есть не в моем творчестве, а исключительно в моем поведении. Творчество я делаю только такое, которым искренне хочу заниматься.

— Это образ или ты правда такой?

— Нет, это часть характера.

Я просто мудака, и все. Очень сложно жить в образе, потому что тебе приходится придумывать ролевую модель и постоянно ее на себя примерять.

Когда ты живешь образом, то постоянно меняешь эту ролевую модель и в какой-то момент испытываешь конфликт личности. Однажды я пришел к выводу, что это не есть хорошо, и надо жить так, как мне велит мое сердечко. Это ролевая модель, которая в меня вшилась — я стал своим образом. Когда-то я придумал себе образ, а со временем просто стал им. Я это просто я.

И нет другого «я». И никогда не было.

интервью записал Леша Пономарев

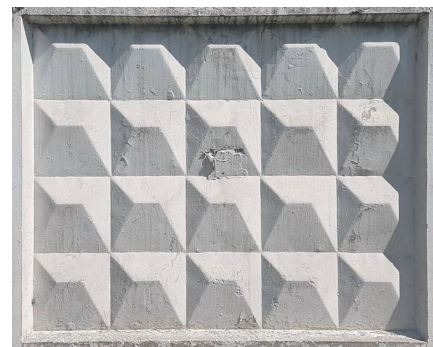

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

НОЧЛЕЖКА

HOMELESS.RU

История бетонного забора с ромбиками

Борис Лахман, архитектор, 69 лет:

«Я москвич, окончил Строительный институт по специальности инженер-строитель, потом в проектной мастерской «Роскооппроект», куда меня распределили, прошел тренинг на архитектора. Оттуда меня пригласили в конструкторско-техническое бюро «Мосгорстройматериалы», где я проработал 18 лет. В семидесятые стал главным архитектором. Мы занимались дизайном для промышленности. Тогда это называлось «техническая эстетика». Одной из наших задач было разработать конструкцию забора. Надо было сделать его, что называется, эстетикалли экспектабл. Я сделал три эскиза, все очень симпатичные. Например, был забор, имитирующий каменную кладку. Но почему-то выбрали самый простой. Может, глаз радовала эта игра света и тени? Может, понравилось, что форма такая самоочищающаяся, что пыль и грязь дождями смываются? Проектировали несколько месяцев.

В том, что с плитой происходило дальше, я уже не участвовал. Как-то ее модернизировали, добавляли юбочку, меняли размеры — но все без меня. За дизайн я получил на ВДНХ бронзовую медаль. А к ней полагалось 50 рублей. Деньги-то выдали сразу, а вот сама награда нашла меня уже спустя 10 лет в Америке. Это единственное, что у меня осталось от той истории: чертежи вывозить не разрешали. А когда начали выпускать из страны, я решил уехать: журналы американские по архитектуре я получал, знал, что там происходит, и всегда хотел работать с американцами, при этом за границей был только

один раз — в Болгарии, на выставке, потому что не был членом партии.

В 1981 году мы с семьей приехали в Нью-Йорк. Почти сразу я стал работать в архитектурной фирме Richard M. Bellamy. Здесь, чтобы быть архитектором, нужно иметь лиценз, пройти экзамен. Я сдал его в 1990-м и открыл свое дело. Беллами скоро умер, фирма его распалась, и я практически унаследовал все заказы — проектировал рестораны, мегамоиллы, частные дома. А последнее время я больше работаю в ассоиэйшен с Dattner Architects — провожу консалтинг сервис по констракшен администрейшен и ревью их проекты. Этот забор — не самое великое, что я сделал. И то, что им завалили буквально всю страну, мне не очень понятно.

Вы говорите, бетонные заборы запретили в Москве? (Распоряжение правительства Москвы №370-РП от 8 апреля 1997 года разрешает огораживать стройплощадки в центре города только металлической сеткой. — Правила жизни) Давно пора было! Я до сих пор, когда смотрю советские фильмы да и просто кадры из России, даже в маленьких городках снятые, вижу только свои заборы. Чувств у меня по этому поводу нет никаких. Я уже американец со всем. Мне и по-русски-то, видите, тяжело говорить. То, что вы меня нашли — это аут оф зе блю, смешно. Я обо всем этом совершенно уже не думаю. Ностальгия? Когда у меня наступает ностальгия, я ем черную икру».

записала Сенья Кронгауз